

Научная статья / Research Article

УДК 316.35

DOI: 10.14258/SSI(2022)4-06

Отношение молодежи к деструктивным практикам в цифровом пространстве

Татьяна Михайловна Дадаева

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, Россия,
dadaeva13@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-9749-9244>

Аннотация. На основе данных социологического исследования студентов МГУ им. Н.П. Огарёва выявляется отношение к деструктивным практикам в цифровом пространстве. На основе рассчитанных индексов одобрения насилия и уровня одиночества определяется их влияние на отношение к деструктивным практикам в цифровом пространстве, а также группы риска. Устанавливается уровень осведомленности студентов о деструктивных сообществах, существующих как реально, так и виртуально, о юридической ответственности за определенные правонарушения, уровень вовлеченности в молодежные объединения, измеряются досуговые практики. Делается вывод о том, что процесс вовлечения в деструктивные сообщества, практики в социальных сетях у молодежи часто связан с проблемами коммуникации со своими сверстниками, с проблемами в семье. Причинами участия молодежи в деструктивных сообществах студенты отмечают психические расстройства, проблемы в отношениях со взрослыми, конфликты в семье, внутреннее одиночество, желание с кем-то объединиться. Интерес к тем или иным деструктивным сообществам может складываться как под воздействием виртуального механизма, т.е. самих социальных сетей, распространяющих деструктивный контент, так и под влиянием конкретных социальных, макро- и микрофакторов, жизненных причин, способных ускорить процесс включения.

Ключевые слова: студенческая молодежь, деструктивные практики, цифровое пространство, группы риска, уровень коммуникации, одобрение агрессии, социальные сети, цифровые вызовы

Для цитирования: Дадаева Т.М. Отношение молодежи к деструктивным практикам в цифровом пространстве // Society and Security Insights. 2022. Т. 5, № 4. С. 108–125. doi: 10.14258/ssi(2022)4-06.

The Attitude of Young People to Destructive Practices in the Digital Space

Tatiana M. Dadaeva

National Research Mordovian State University of N.P. Ogarev, Saransk, Russia,
dadaeva13@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9749-9244>

Abstract. Based on the data of a sociological study of students of the Ogarev Modovian State University, the attitude to destructive practices in the digital space is revealed. Based on the calculated indices of approval of violence and the level of loneliness, their influence on attitudes to destructive practices in the digital space, as well as risk groups, is determined. The level of awareness of students about destructive communities that exist both real and virtual, about legal responsibility for certain offenses, the level of involvement in youth associations, leisure practices are measured. It is concluded that the process of involvement in destructive communities, practices in social networks among young people is often associated with problems of communication with their peers, with problems in the family. The reasons for the participation of young people in destructive communities, students note mental disorders, problems in relationships with adults, conflicts in the family, inner loneliness, the desire to unite with someone. Interest in certain destructive communities can develop as under the influence of a virtual mechanism, i.e. social networks themselves that distribute destructive content, as well as under the influence of specific social, macro- and microfactors, life reasons that can speed up the inclusion process.

Keywords: student youth, destructive practices, digital space, risk groups, communication level, approval of aggression, social networks, digital challenges.

For citation: Dadaeva T.M. (2022). The attitude of young people to destructive practices in the digital space. *Society and Security Insights*, 5(4), 108–125. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2022)4-06.

Введение

В цифровом пространстве молодежь привлекают к участию в террористических и экстремистских организациях, криминальных субкультурах, самоповреждающих практиках, сексуальных девиациях, склоняют к суициду, скулшутингу, ругерству, зацепингу, кибербуллингу, вовлекают в наркопотребление. Посредством интернет-технологий активно формируются цифровые аналоги деструктивных практик, такие как информационный вандализм, кибертерроризм и киберэкстремизм, кибербуллинг.

Социальные сети сегодня становятся самостоятельным агентом социализации, активно формирующим определенный тип личности, оправдывающий или, в лучшем случае, не осуждающий насилие и деструктивность. Ежегодно при мониторинге в сети Интернет выявляются группы и сообщества, пропагандирующие культ жестокости и насилия, призывы к самоубийству¹.

Возникает необходимость социологического мониторинга данной пробле-

¹ Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. URL: <https://rkn.gov.ru/plan-and-reports/reports/p449/>

мы и обеспечения эффективных мер защиты пользователей от деструктивного контента в социальных медиа и неблагоприятного кибервоздействия в условиях цифровизации современного социума.

Степень разработанности. Исследователи активно включились в изучение деструктивных практик в социальных сетях. Большинство работ посвящено изучению деструктивного поведения и его причин в психологическом или психиатрическом ключе (Волкова, 2019; Собкин, Федотова, 2019; Бадмаева, Шкитырь, 2019; Польская, Якубовская 2019; Солдатова, 2019; Kosir et al., 2020). Популярным остается субкультурный подход, в частности, к исследованию АУЕ (Иванов, Козлов 2019), футбольных фанатов (Колегова, Кондратенко, 2020) и др. Эмпирические исследования также чаще проводятся в рамках психологического измерения (Волкова, 2019; Kosir et al., 2020), анализа статистических данных (Ветрова, 2021), качественных социологических исследований (Иванов 2020; Козлов, Мингалиев 2020). Активно изучаются цифровые деструкции кибербуллинг (Польская, Якубовская, 2019; Acosta et al., 2019; Dorio et. al. 2020), информационный вандализм, киберэкстремизм и кибертерроризм. Ряд авторов проблематизирует изучение девиантного поведения в междисциплинарном поле (Антипова и др., 2020); (Карпова, др., 2020).

Социологическое изучение отношения студенческой молодежи к деструктивным практикам в цифровом пространстве, выявление групп риска, факторов и причин вовлечения в них сегодня является недостаточным и выступает крайне актуальным.

Методы и инструменты. Цель данной статьи — определение отношения студенческой молодежи к деструктивным практикам и выявление основных факторов, оказывающих влияние на вовлеченность молодежи в деструктивные сообщества и объединения. Эмпирическим объектом исследования выступили студенты дневного отделения МГУ им. Н. П. Огарёва 18 лет и старше. Был использован онлайн-опрос 1123 студентов согласно квотной выборке (N = 11 014 чел.¹). При анализе, интерпретации полученных данных использовался кластерный анализ, расчет индексов с помощью пакета SPSS 21.0.

Гипотезы исследования: отношение студентов к деструктивным практикам определяется индексом одобрения насилия и *уровнем коммуникации в малых социальных группах (студенческая группа, семья)*. Мы предположили, что студенты с низким уровнем коммуникации чаще проводят время в интернете, меньше вовлечены в групповые коммуникации. Студенты с высоким индексом принятия насилия больше вовлечены в активные практики досуга, в молодежные сообщества и субкультуры. Группами риска по вовлечению в деструктивные сообщества и субкультуры могут выступать как студенты с высоким индексом принятия насилия, так и студенты с высоким индексом одиночества.

Основными индикаторами исследования выступили: *уровень осведомленности о деструктивных объединениях; уровень знания об ответственности за определен-*

¹ См. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования 2021 года. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2021/_vpo/inst.php?id=127 (дата обращения 17.11.2022).

ные деструктивные практики; индекс одобрения насилия; индекс одиночества; уровень вовлеченности студентов в молодежные сообщества; уровень коммуникации в малых социальных группах (студенческая группа, семья); формы досуговых практик; ценностные ориентации; причины вовлеченности молодежи в деструктивные сообщества; способы профилактики деструктивных практик, пол, возраст, уровень материального благополучия, социальный статус родителей, факультет.

Результаты исследования. Социально-демографический состав. Опрос проводился в мае — июне 2022 г. среди студентов всех факультетов и институтов МГУ им. Н.П. Огарёва. По социально-демографическому составу респонденты распределились следующим образом: юношей — 40%, девушек — 60%, в возрасте 18 лет — 24%, 19 лет — 17%, 20 лет — 29%, 21 года — 17%, 22 лет — 6%, 23 лет и старше — 7%. Опрашивались студенты направления подготовки бакалавриат — 57%, специалитет — 40% и магистратура — 3%. Большинство опрошенных составили студенты 3 курса (43%) и 1 курса (40%). Студенты 2 курса составили 11%, 4 курса — 6%, 5 и 6 курсов по 1%.

Уровень вовлеченности в молодежные объединения и сообщества. Согласно опросу 50% студентов не относят себя к какому-либо молодежному объединению или субкультуре, 16% ответили положительно, 34% — ни к какому конкретному молодежному объединению себя не относят, но идеи некоторых объединений поддерживают. По данным опроса 155 человек отнесли себя к каким-либо молодежным объединениям и сообществам. Большинство студентов (40 чел.) отметили принадлежность к субкультуре аниме. Субкультура аниме и все, что связано с индустрией аниме, является достаточно популярным среди молодежи. Сторонники данного направления смотрят японскую анимацию, читают мангу (японский комикс, на основе которого снимают аниме), следят за выходом новых аниме, объединяются в социальных сетях. К музыкальной субкультуре отнесли себя девять студентов, также мы видим традиционные студенческие объединения (студенческий совет — 8 чел., спортивные объединения — 7 чел.), и сообщества по интересам (к-рор субкультура — это фанаты корейских исполнителей популярной музыки — 7 чел., футбольные фанаты — 6 чел., киберспортсмены — 6 чел., панки, рокеры, геймеры — по 5 чел. соответственно).

Мы объединили все отмеченные молодежные сообщества в две группы: формальные (студенческий совет, педагогический отряд, волонтеры и т.д.) и неформальные (аниме, музыканты, панки, рэперы и т.д.). В целом по выборке 19% респондентов, состоявших в молодежных объединениях, отметили принадлежность к формальным сообществам, 81% — к неформальным. Гендерный состав студентов, вовлеченных в молодежные объединения, практически равнозначен с точки зрения принадлежности к формальным и неформальным объединениям. Чуть больше респондентов принадлежат к формальным сообществам в возрастной группе 21 год и старше (табл. 1).

В целом 16% студентов относят себя к молодежным сообществам, что позволяет говорить о невысоком уровне вовлеченности студентов в молодежные сообщества на вербальном уровне. С другой стороны, 34% ни к какому конкретному

молодежному объединению себя не относят, но идеи некоторых объединений поддерживают, что дает основание предполагать латентную вовлеченность студентов в молодежные субкультуры.

Таблица 1

Распределение ответов о принадлежности к молодежным объединениям в зависимости от пола и возраста, %, n = 136

Table 1

Distribution of answers about belonging to youth associations by sex and age, %, n = 136

Категория	Юноши	Девушки	18–20 лет	21 год и старше	В среднем
Формальные	18	20	18	24	19
Неформальные	82	80	82	76	81
Итого	100	100	100	100	100

Досуговые практики. Студенты по-разному проводят свободное время. Главным образом студенческая молодежь смотрит фильмы и слушает музыку (так ответили 70% респондентов), встречается и общается с друзьями (66%) и проводит время за компьютером, в интернете (54%). Есть некоторые гендерные различия. Так, юноши чаще, чем в среднем по выборке, отмечали, что проводят время за компьютером (61%), играют в компьютерные игры (52%), занимаются спортом (35%). Девушки чаще отмечали, что проводят время на природе, гуляют (53%), занимаются домашним хозяйством (55%), читают художественную и научно-популярную литературу (38%). Респонденты возрастной группы 18–20 лет чаще отмечали, что встречаются и общаются с друзьями (70%), в группе постарше чаще занимаются домашним хозяйством (53%) и читают художественную и научно-популярную литературу (41%).

В основном студенты предпочитают досуг, где можно отдохнуть, получить радость и удовольствие (66%), 16% — предпочитают досуг, дающий возможность знакомиться, общаться с новыми людьми, 10% — досуг, позволяющий проявить активность и творчески самореализоваться, 9% — досуг, где можно научиться чему-то полезному, узнать что-то новое.

Практики в социальных сетях. В условиях цифровизации большинство социальных практик молодежь реализует в социальных сетях. По данным опроса 71% респондентов используют социальные сети более 6 лет. Больше всего времени студенты проводят в сети «ВКонтакте» — 62%, в Telegram — 11%, в YouTube — 7%. Несколько основных соцсетей используют 10%.

По мнению студентов, популярность социальных сетей среди молодежи можно объяснить следующими причинами: «это легкий способ всегда оставаться на связи и общаться» (86%), «в социальных сетях можно быстро найти интересующую информацию (в том числе по учебе)» (55%), «в социальных сетях легко оставаться в курсе событий в жизни друзей» (54%), «это способ избежать одино-

чества» (31%), «в социальных сетях проще найти людей по интересам, единомышленников» (30%), «в социальных сетях легче, чем в реальной жизни, найти компанию для осуществления какого-нибудь проекта (дела, мероприятия и т.п.)» (30%).

Большинство студентов общаются в социальных сетях с близкими друзьями и знакомыми из реальной жизни (87%), 5% респондентов ответили, что чаще всего общаются с виртуальными друзьями и другими пользователями сети, с которыми не знакомы в реальной жизни, столько же сказали, что с родителями, братьями, сестрами или другими родственниками.

Социальные сети сегодня — это не только возможности коммуникации и получение любой информации, но и всевозможные опасные и неприятные ситуации. Большинство опрошенных студентов в социальных сетях сталкивались с распространением слухов, ложной информации (71%), с обманом, мошенничеством (62%), с распространением вредоносных ссылок, содержащих вирус (55%), с оскорблениями в свой адрес или в адрес знакомых (37%), с распространением информации, призывающей к агрессии в отношении людей другой национальности (28%) (табл. 2).

Таблица 2.

Распределение ответов о ситуациях, с которыми сталкивались студенты в социальных сетях, % (множественный выбор)

Table 2.

Distribution of answers about situation situations that students faced in social networks, % (multiple choice question)

Вариант ответа	%
Распространение слухов, размещение ложной информации	71
Обман, мошенничество	62
Распространение вредоносных ссылок, содержащих вирус	55
Оскорбления в твой адрес или в адрес твоих знакомых	37
Распространение информации, призывающей к агрессии в отношении людей другой национальности	28
Распространение информации, призывающей к акциям политического протеста	24
Размещение компромата (фото, видео) на друзей и знакомых	21
Распространение информации, призывающей к агрессии в отношении людей другой религии	20
Распространение информации, содержащей пропаганду порнографии	16
Распространение информации, содержащей пропаганду суицида	10
Распространение идей нацизма (фашизма)	10
Распространение информации, содержащей пропаганду наркотиков	8
Распространение идей ваххабизма (исламизма)	5
Распространение информации, призывающей к скулшутингу	4
Я не зарегистрирован(а) ни в одной социальной сети	1
Ни с одной из перечисленных ситуаций не сталкивался / не сталкивалась	12

Студентов попросили отметить ряд практик, в которых оказывались их близкие друзья и знакомые. Данные ответы характеризуют близкий круг респондентов и косвенно позволяют определить *уровень возможной вовлеченности* самих опрошенных в данные практики. Большинство студентов ответили, что среди друзей и знакомых есть люди, которые «собирались компанией и пили алкогольные напитки на „вписке“¹» (21%), «подвергались травле, издевательствам со стороны одноклассников, одноклассников» (14%), «собирались во дворе/парке и слушали громкую музыку поздно вечером/ночью» (13%), «являются активными болельщиками, футбольными фанатами» (11%), «занимались самоповреждением (наносили себе раны и т. д.)» (11%) (табл. 3).

Таблица 3.

Распределение ответов о наличии друзей или знакомых, которые оказывались в следующих ситуациях, % (множественный выбор)

Table 3.

Distribution of answers about friends or acquaintances in the following situations, % (multiple choice question)

Вариант ответа	%
Собирались компанией и пили алкогольные напитки на «вписке»	21
Подвергались травле, издевательствам со стороны одноклассников, одноклассников	14
Собирались во дворе/парке и слушали громкую музыку поздно вечером/ночью	13
Являются активными болельщиками, футбольными фанатами	11
Занимались самоповреждением (наносили себе раны и т.д.)	11
Лазили по старым бомбоубежищам, складам и прочим заброшкам	11
Воровали в магазинах продукты, вещи и т.п.	10
Попадали в полицию из-за того, что пили алкоголь на улице / в парке	7
Умеют обращаться с оружием, занимаются стрельбой	7
Пробовали курить «травку», курительную смесь	7
Осуществляли травлю, издевались над одноклассником, одноклассником	6
Пытались покончить с собой	6
Отправляли угрожающие или оскорбительные смс, письма, сообщения другим подросткам	5
Разрисовывали стены домов, лифтов, транспорта	5
Участвовали в политических акциях протеста	4
Подверглись нападению, были избиты людьми другой национальности/вероисповедания	3

¹ Смысл данного слова на молодежном жаргоне означает вид молодежного и подросткового досуга — домашние вечеринки с ночевкой, на которые через социальные сети приглашаются малознакомые или совсем незнакомые люди.

Предпочитают выяснять отношения с помощью драки	2
Продавали легкие наркотики («травку», спайсы)	2
Принадлежат к религиозным сообществам, сектам, культам	2
Принадлежат к праноедам, сыроедам, фрукторианцам	2
Снимали травлю на видео	2
Подписаны в соцсетях на контент про маньяков	2
Нападали, провоцировали драку с людьми другой национальности/вероисповедания	1
Нападали, провоцировали драку, требуя «пояснить за шмот»	1
Принадлежат к радикальным группировкам (скинхеды, радикальные националисты)	1
Снимали видео драк («поясни за шмот» и проч.), прыжков по крышам, шок-контент	1
Пытались цепляться к проходящим поездам или электричкам	1
Не готов отвечать на такой вопрос	13
Нет таких среди моих друзей и знакомых	46

Уровень коммуникации с одноклассниками. Большинство студентов (52%) отметили, что не со всеми близко дружат, но в целом имеют ровные отношения с одноклассниками, 43% — считают, что у них со всеми дружеские отношения и много друзей, 2% — сказали, что у них практически нет друзей, чувствуют себя в группе одиночками, 1% — испытывали случаи бойкота по отношению к ним, 2% — затруднились ответить. Категорию «У меня практически нет друзей, чувствую себя одиночкой» чаще отмечали респонденты в возрасте 21 года и старше. «Не со всеми близко дружу, но в целом ровные», — чаще отмечали девушки (табл. 4).

Таблица 4.

Распределение ответов о взаимоотношениях с одноклассниками
в зависимости от пола и возраста, %

Table 4.

Gender and age distribution of answers on relationships with peers, %

Вариант ответа	Юноши	Девушки	18–20 лет	21 год и старше	В среднем
Со всеми дружеские, у меня много друзей	46	39	44	37	43
Не со всеми близко дружу, но в целом ровные	48	55	52	54	52
У меня практически нет друзей, чувствую себя одиночкой	2	2	1	4	2
Были случаи, когда меня бойкотировали и оскорбляли	1	1	1	<1	1
Трудно сказать	3	3	2	5	2
Итого	100	100	100	100	100

В целом студенты демонстрируют средний и высокий уровень коммуникации с одноклассниками, 3% отметили низкий уровень («практически нет друзей, чувствую себя одиноким», «были случаи, когда меня бойкотировали и оскорбляли»). Студенты 21 года и старше чаще отвечали, что у них практически нет друзей, они чувствуют себя одинокими и «трудно сказать», чем в целом по выборке.

Уровень осведомленности о деструктивных сообществах. В наибольшей степени студенты осведомлены о следующих деструктивных сообществах, существующих в интернете: маги, колдуны, экстрасенсы, гадалки, астрологи — 62%, суицидальные сообщества («синие киты») — 61%, курсы «личностного роста», психокульты — 58%, четвертое место разделили политические радикальные группировки «правого» толка (профашистские, скинхеды, нацистские, националистические) и сыроеды, праноеды, веганы и т.д. — по 57% соответственно, на пятом — религиозные организации и секты (анастасийцы, сатанисты, неоязычники) — 56%. Знают о существовании в Саранске таких деструктивных образований, как маги, колдуны, экстрасенсы, гадалки, астрологи (12%), сыроеды, праноеды, веганы (12%), околофутбольщики (офники, ультрас, футбольные хулиганы) (12%), курсы «личностного роста», психокульты (10%), городские экстремалы (зацеперы, руферы, сталкеры, технотуристы) (8%), политические радикальные группировки правого толка (профашистские, скинхеды, нацистские, националистические) (4%), протестное движение «Штаб Навального» (4%) (табл. 7). Здесь можно предположить, что студенты имеют или имели друзей, знакомых, вовлеченных в данные объединения, или имели опыт вхождения в данные сообщества сами, но для этого необходимы дополнительные исследования.

Следует отметить, что студенты в целом хорошо осведомлены о том, какая ответственность может наступить в случае совершения определенных противоправных действий. Так, большинство респондентов назвали уголовную ответственность за продажу наркотиков (78%), за насильственные действия против представителей определенной национальности, религии (69%), за призывы взорвать школу (68%), за призывы к насильственным действиям против органов власти, существующего строя (62%), за призывы совершить самоубийства (61%), за призывы к насильственным действиям против представителей определенной национальности, религии (60%), за ложное сообщение об акте терроризма (заложенной бомбе, угрозе взрыва и т.д.) (56%), за употребление наркотиков (54%), за уничтожение, повреждение или порчу памятников, храмов, могил (53%), за нападение/избиение сверстников (53%, хотя 32% считает, что за это полагается административная ответственность). В то же время 25% считают, что не наступает никакой ответственности за употребление нецензурных выражений/мата в общественных местах, 15% — за оскорбление/травлю сверстников, 8% — за употребление алкоголя на улице / в парке и за рисование граффити на стенах домов, 7% — за употребление наркотиков и за намеренную порчу одежды/имущества сверстников, 5% — за призывы совершить самоубийство и за призывы к насильственным действиям против органов власти, существующего строя.

Большинство респондентов — 46% знает о существовании деструктивных объединений и движений, признанных экстремистскими (либо террористическими) и запрещенными в России, но назвать их не могут, 12% — знают и могут назвать, 42% — не знают об этом. Из запрещенных деструктивных объединений большинство респондентов назвали организации исламистского толка (ИГИЛ, Аль-Каида, Талибан), «штаб Навального», «Правый сектор».

Причины вовлеченности молодежи в деструктивные сообщества. Большинство опрошенных полагают, что основным критерием принадлежности человека к деструктивному объединению является принятие идеологии данного объединения (25%), 18% — участие в коллективных деструктивных практиках, 7% — призывы привлечь новых сторонников, 6% — распространение информации в социальных сетях (посты, репосты и т.д.). На вопрос анкеты «Есть ли в твоём окружении ребята, которых можно было бы назвать участниками деструктивных объединений?» 77% ответили, что нет, 19% — затруднились ответить, 3% считают, что есть, но не более 1–2 человек, 1% — полагают, что есть и их немало.

Основными причинами участия молодежи в деструктивных сообществах, по мнению опрошенных в среднем по выборке, выступают: психические расстройства (48%), проблемы в отношениях со взрослыми, конфликты в семье (43%), внутреннее одиночество, желание с кем-то объединиться (40%). Ответы юношей и девушек разных возрастных групп отличаются. Так, юноши отмечают в качестве главных причин психические расстройства (45%), желание выделиться, быть не таким как все (40%), что значительно выше, чем в среднем по выборке), идеологические влияния (38%, также выше, чем в среднем по выборке), проблемы в отношениях со взрослыми, конфликты в семье (37%), юноши чаще, чем в среднем по выборке, отмечали в качестве причин бедность, низкий уровень жизни (32%). Девушки наряду с общими причинами чаще выделяли проблемы с одноклассниками/одногоруппниками в учебном заведении (42%) (табл. 5).

В последнее время участились случаи расстрела в российских школах (скулшутинга) и в других учебных заведениях. Мы спросили о возможных причинах данной деструктивной практики. Респонденты назвали в качестве пяти главных причин психические расстройства (75%), издевательства, запугивания, избиения одноклассников (68%), месть тем, кто причиняет боль (59%), ненависть к людям (идеологические влияния) (53%), физическое насилие дома (51%).

Индекс одобрения насилия. Студентов попросили оценить, насколько они согласны со следующими высказываниями: 1. «Применение насилия возможно, если оно направлено на благие цели». 2. «Взгляды, идеи, убеждения не могут служить оправданием применения насилия» (табл. 6).

В результате анализа ответов по высказываниям был рассчитан индекс «одобрения насилия». Чем выше индекс, тем более высок уровень одобрения насилия у респондента.

По результатам опроса большинство студентов представлены в группах с низким (36%) и средним (25%) индексом одобрения насилия, группу с индексом одобрения насилия выше среднего составляют 39% респондентов. Количество

респондентов с индексом одобрения насилия выше среднего больше в возрастной группе от 18–20 лет, чем от 21 года и выше. С возрастом индекс одобрения насилия снижается.

Таблица 5.

Распределение ответов о причинах участия молодых людей в деятельности каких-либо деструктивных объединений в зависимости от пола и возраста, % (множественный выбор)

Table 5.

Distribution of answers on the reasons for the participation of young people in the activities of some destructive associations according to sex and age, % (multiple choice)

Вариант ответа	Юноши	Девушки	18–20 лет	21 год и старше	В среднем
Психические расстройства	45	57	51	56	48
Проблемы в отношениях со взрослыми, конфликты в семье	37	54	48	45	43
Внутреннее одиночество, желание с кем-то объединиться	36	47	42	44	40
Желание выделиться, быть не таким как все	40	39	37	45	36
Идеологические влияния	38	38	36	43	35
Проблемы с одноклассниками/одногруппниками в учебном заведении	30	42	37	37	34
Низкий уровень образования, духовности, отсутствие идеалов	31	34	31	37	30
Бедность, низкий уровень жизни	32	27	28	30	27
Протест против лицемерия взрослых, социального порядка	29	29	26	34	26
Вслед за своими друзьями/другом (подругой)	25	28	23	36	25
Отсутствие возможности для самореализации	21	18	17	23	17
Интерес к всему новому, необычному, загадочному	14	12	11	18	12
От нечего делать, занять свое время	14	9	10	14	10
Затрудняюсь ответить	25	20	23	19	20
Итого	417	454	420	481	403

Таблица 6.

Распределение ответов на вопрос: «Насколько ты согласен(на) со следующими высказываниями?», %

Table 6.

Distribution of answers to the question: “Do you agree with the following statements?”, %

Высказывание	Варианты ответа				
	Полностью НЕ согласен (на)	Скорее НЕ согласен (на)	Трудно сказать	Скорее согласен (на)	Полностью согласен (на)
1. «Применение насилия по отношению к людям оправдано, если оно направлено на достижение благой цели»	49	21	18	7	5
2. «Взгляды, идеи, убеждения не могут служить оправданием применения насилия»	11	6	22	14	57

Была рассмотрена корреляция индекса одобрения насилия со следующими показателями: пол, возраст, уровень материального благополучия, досуговые практики, социально-профессиональный статус родителей, факультет, с кем предпочитают проводить свободное время. Выше, чем в среднем по выборке, доли респондентов с индексом насилия «выше среднего» мужского пола (52%), с доходом выше среднего (11%), обучающихся в институте механики и энергетики (64%), в аграрном институте (52%) и институте электроники и светотехники (43%), которые в большей степени играют в компьютерные игры (45%) и предпочитают проводить время в компании друзей (43%) или в одиночестве (38%). Группа студентов с низким индексом одобрения насилия чаще представлена девушками с гуманитарных факультетов.

Ценностные ориентации молодежи. Согласно данным опроса респонденты ценят больше всего в жизни взаимопонимание, хорошие отношения в семье (68%), жизнь в согласии с собой, со своими моральными нормами (58%), интересную работу, профессиональное развитие (50%), материальное благополучие, комфорт (46%), любовь, романтические отношения (38%). Данный рейтинг ценностных ориентаций свойствен и девушкам. В топ у юношей вместо любви, романтических отношений входит свобода и независимость (36%). Юноши чаще называли также в качестве значимых ценностей хорошую физическую форму и самочувствие (31%) и авторитет, уважение окружающих (26%) (табл. 7).

Таблица 7

Распределение ответов о ценностных ориентациях студентов в зависимости от пола и возраста, % (множественный выбор)

Table 7

Distribution of answers on students' value orientations by sex and age, % (multiple choice)

Вариант ответа	Юноши	Девушки	18–20 лет	21 год и старше	В среднем
Взаимопонимание, хорошие отношения в семье	61	74	69	68	68
Жизнь в согласии с собой, со своими моральными нормами	55	62	61	55	58
Интересная работа, профессиональное развитие	46	53	50	52	50
Материальное благополучие, комфорт	42	50	46	48	46
Любовь, романтические отношения	32	43	40	36	38
Свобода, независимость	36	33	34	34	33
Общение с друзьями, однокурсниками	30	31	31	29	30
Хорошая физическая форма и самочувствие	31	26	29	26	28
Карьера, продвижение по службе	24	27	26	27	26
Творчество, увлечения	23	27	25	26	25
Авторитет, уважение окружающих	26	22	23	24	23
Общественное признание, популярность	9	4	6	7	6
Возможность управлять другими, доминировать	4	3	4	3	3

В группе с индексом одобрения насилия выше среднего преобладают такие ценностные ориентации, как «возможность управлять другими людьми» (57%), «авторитет, уважение окружающих» (50%), «ничего из перечисленного не важно» (44%), «сохранение традиций, следование обычаям» (42%) и «карьера, продвижение по службе» (41%).

Способы противодействия распространению деструктивных объединений. Студентам было предложено выделить наиболее эффективные способы работы с подростками и молодежью в области противодействия распространению деструктивных объединений в молодежной среде. Большинство респондентов отметили поощрение и стимулирование творческого потенциала, выде-

ление средств на организацию всевозможных смотров, конкурсов и фестивалей молодежных субкультур (49%), организацию в учебных заведениях служб психологической помощи и консультирования в конфликтных ситуациях (48%), помощь в трудоустройстве (в т.ч. организацию общественных работ) (42%), предоставление специальных мест для встреч и общения представителей молодежных субкультур, строительство площадок для занятий молодежью экстремальными видами спорта и т. д. (34%), вовлечение представителей молодежных субкультур в альтернативные позитивные формы досуга (спортивные секции, театральные студии и пр.) (34%), проведение профилактических (просветительских) мероприятий (лекции, беседы, дискуссии), направленных на снижение участия молодых людей в неформальных объединениях деструктивной направленности (24%).

Обсуждение

Студенты в целом обладают высоким уровнем осведомленности, знаний о существовании деструктивных объединений как в сети Интернет, так и в реальности и о наступлении различных видов юридической ответственности при совершении определенных видов поступков. Большинство респондентов (46%), знают о существовании деструктивных объединений и движений, признанных экстремистскими (либо террористическими) и запрещенными в России, но не всегда могут их назвать. У студентов выявлен невысокий уровень вовлеченности в молодежные объединения. В условиях цифровизации большинство социальных практик молодежь реализует в социальных сетях (наиболее популярны из них «ВКонтакте», Telegram, YouTube) и именно там сталкивается с различными деструктивными практиками. По мнению опрошенных, популярность социальных сетей среди молодежи вызвана тем, что «это легкий способ всегда оставаться на связи и общаться», «в социальных сетях можно быстро найти интересующую информацию (в том числе по учебе)», «в социальных сетях легко оставаться в курсе событий в жизни друзей», «это способ избежать одиночества», «в социальных сетях проще найти людей по интересам, единомышленников».

В группе с более высоким индексом «одобрения насилия» чаще представлены юноши, они чаще играют в компьютерные игры, чаще проводят время с компанией друзей, чаще отмечают свой доход выше среднего. Есть и обратная корреляция: в группах с низким индексом одобрения насилия преобладают девушки, студенты реже проводят время с компанией друзей, реже играют в компьютерные игры, чаще проводят время с семьей, чем в целом по выборке. В группе с индексом одобрения насилия выше среднего приоритет отдается таким ценностным ориентациям, как возможность управлять другими людьми, авторитет, уважение окружающих. Данные опроса позволили определить круг друзей респондентов, участвующих в деструктивных практиках. Так, в группе с индексом одобрения насилия выше среднего студенты чаще отмечали, что у них есть друзья, которые участвовали в деструктивных практиках.

Процесс вовлечения в деструктивные сообщества, практики в социальных сетях у молодежи часто связан с проблемами коммуникации со своими сверстниками, с проблемами в семье. Одними из главных причин участия молодежи

в деструктивных сообществах студенты отмечают проблемы в отношениях со взрослыми, конфликты в семье и внутреннее одиночество, желание с кем-то объединиться. Интерес к тем или иным деструктивным сообществам может складываться как под воздействием виртуального механизма, т.е. самих социальных сетей, распространяющих деструктивный контент, так и под влиянием конкретных социальных, макро- и микрофакторов, жизненных причин, способных ускорить процесс включения. Вызывают настороженность следующие ответы респондентов: 21% — предпочитает проводить свободное время в одиночестве; 76% не посещают никаких дополнительных занятий после университета; 31% в качестве причины популярности социальных сетей отмечают, что это способ избежать одиночества; 66% предпочитают досуг, где можно отдохнуть, получить радость и удовольствие. Данные респонденты могут входить в группы риска, однако это требует дальнейшего мониторинга и исследования. Социальная обособленность и низкий уровень коммуникации в определенных обстоятельствах могут привести к проявлению скрытой агрессии, направленной как против себя, так и против других.

Заключение

Из приведенного в данной статье анализа отношения молодежи к деструктивным практикам становится ясно, что данная тема крайне актуальна и нуждается в дальнейшем эмпирическом измерении. Вопрос вовлеченности в деструктивные практики студенческой молодежи остается открытым и требует дальнейших исследований и постоянного мониторинга, необходимо проводить качественные исследования со студентами групп риска в учебных заведениях. Результаты исследования могут быть использованы для разработки мер по профилактике и предотвращению деструктивного поведения среди студентов. Такими мерами могут выступить организация всевозможных смотров, конкурсов и фестивалей молодежных субкультур, усиление работы в учебных заведениях служб психологической помощи и консультирования в конфликтных ситуациях, помощь в трудоустройстве (в т.ч. организация общественных работ) и т.д.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Антипова Е. А., Ларионова А. В., Орлова В. В. Деструктивное поведение в проблемном поле гуманитарной науки // Векторы благополучия: экономика и социум. 2020. № 4 (39). С. 128–137.

Бадмаева В. Д., Шкитырь Е. Ю. Факторы риска суицидального поведения несовершеннолетних (по материалам посмертных комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз) // Научные результаты биомедицинских исследований. 2019. Т. 5, № 4. С. 117–128. DOI: 10.18413/2658-6533-2019-5-4-0-9

Ветрова Е. Д. Социально-экономические детерминанты детской и подростковой смертности от внешних причин в Москве // Демографическое обозрение. 2021. Т. 8, № 3. С. 124–148. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i3.13269>

Волкова И. В. Характеристики субъектности и психологического благополучия у подростков-защитников в ситуации буллинга в школе // Психология человека

в образовании. 2019. Т. 1, № 2. С. 110–116. DOI: 10.33910/2686-9527-2019-1-2110-116

Иванов А. В. Виртуальная деструктивность и социальное пространство: к постановке проблемы (по материалам полевых исследований идеологии «колумбайн») // Казанский педагогический журнал. 2020. № 4 (141). С. 274–279. DOI: 10.34772/KPJ.2020.141.4.039

Иванов А. В., Козлов В. Е. Феномен улично-криминальной субкультуры «А.У.Е.» среди молодежи в Республике Татарстан // Казанский педагогический журнал. 2019. № 1. С. 205–208.

Карпова А. Ю., Савельев А. О., Вильнин А. Д., Чайковский Д. В. Изучение процесса онлайн-радикализации молодежи в социальных медиа (междисциплинарный подход) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 159–181. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1585.

Козлов В. Е., Мингалиев А. Х. Проблема научной репрезентации современных молодежных субкультур: от методологии к нарративу // Казанский педагогический журнал. 2020. № 1. С. 255–263. DOI: 10.34772/KPJ.2020.138.1.038

Колегова И. Е., Кондратенко В. А. Движение футбольных фанатов: структура и коллективные идентичности // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12, № 1. С. 118–135. DOI: 10.19181/inter.2020.21.7

Польская Н. А., Якубовская Д. К. Влияние социальных сетей на самоповреждающее поведение у подростков // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27, № 3. С. 156–174. DOI: 10.17759/cpp.20192703010

Собкин В. С., Федотова А. В. Сеть как пространство социализации современного подростка // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27, № 3. С. 119–137. DOI: 10.17759/cpp.2019270308

Солдатова Г. У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9, № 3. С. 71–80. DOI: 10.17759/sps.2018090308

Acosta J., Chinman M., Ebener P., Malone P. S., Phillips A., Wilks A. Understanding the Relationship between Perceived School Climate and Bullying: A Mediator Analysis // Journal of School Violence. 2019. № 18(2). P. 200–215. DOI: 10.1080/15388220.2018.1453820

Dorio N. B., Clark K. N., Demaray M. K., Doll E. M. School Climate Counts: A Longitudinal Analysis of School Climate and Middle School Bullying Behaviors // International Journal of Bullying Prevention. 2020. № 2(4). P. 292–308. DOI: 10.1007/s42380-019-00038-2.

Geulayov G., Casey D., McDonald K. C., Foster P., Pritchard K., et al. Incidence of suicide, hospital-presenting non-fatal self-harm, and community-occurring non-fatal self-harm in adolescents in England (the iceberg model of self-harm): a retrospective study // The Lancet Psychiatry. 2018. V.5(2). P. 167-174. DOI:10.1016/S2215-0366(17)30478-9

Kosir K., Klasinc L., Spes T., Pivec T., Cankar G., Horvat M. (2020) Predictors of Self-Reported and Peer-Reported Victimization and Bullying Behavior in Early Adolescents: The Role of School, Classroom, and Individual Factors // European Journal of Psychology of Education. Vol. 35. No 2. P. 381-402. DOI:10.1007/s10212-019-00430-y

REFERENCES

- Antipova, E. A., Larionova, A. V., Orlova, V. V. (2022). Destructive behavior in the problematic field of humanities. *Journal of Wellbeing technologies*, 39(4), 128–137 (In Russ.). DOI: 10.18799/26584956/2020/4(39)/1052
- Badmaeva, V. D., Skityr, E. Yu. (2019). Risk factors of suicidal behavior of minors (based on the materials of postmortem complex forensic psychological and psychiatric examinations). *Research Results in Biomedicine*, 5(4), 117–128 (In Russ.). DOI: 10.18413/2658-6533-2019-5-4-0-9
- Vetrova, E. D. (2021). Socio-economic determinants of child and adolescent mortality from external causes in Moscow. *Demographic Review*, 8(3), 124–148 (In Russ.). DOI:10.17323/demreview.v8i3.13269
- Volkova, I. V. (2019). Agency and wellbeing of adolescent defenders in school bullying. *Psychology in Education*, 1(2), 110–116 (In Russ.). DOI: 10.33910/2686-9527-2019-1-2-110-116
- Ivanov, A. V. (2020). Virtual destructivity and social space: to the statement of the problem (on the materials of field studies of ideology “columbine”). *Kazan Teaching Journal*, 4, 274–279 (In Russ.). DOI: 10.34772/KPJ.2020.141.4.039
- Ivanov, A. V., Kozlov, V. E. (2019). The phenomenon of the AUE criminal street subculture in the Republic of Tatarstan. *Kazan Teaching Journal*, 1, 205–208. (In Russ.).
- Karpova, A. Yu., Savelev, A. O., Vilnin, A. D., Chaykovskiy, D. V. (2020). Studying Online Radicalization of Youth through Social Media (Interdisciplinary Approach). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3, 159–181 (In Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.158
- Kozlov, V. E., Mingaliev, A. H. (2020). The problem of scientific representation of modern youth subcultures: from methodology to narrative. *Kazan pedagogical journal*, 1, 255–262. DOI: 10.34772/KPJ.2020.138.1.038. (In Russ.).
- Kolegova, I. E., Kondratenko, V. A. (2020). The Football Fan Movement: Structure and Collective Identities. *Interaction. Interview. Interpretation*, 12(1), 118–135 (In Russ.). DOI: 10.19181/inter.2020.21.7
- Polskaya, N. A., Yakubovskaya, D. K. (2019). The Impact of Social Media Platforms on Self-Injurious Behavior in Adolescents Counseling Psychology and Psychotherapy, 27(3), 156–174 (In Russ.). DOI:10.17759/cpp.2019270310
- Sobkin, V. S., Fedotova, A. V. (2019). Social Media as a Field of a Modern Teenager’s Socialization. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 27(3), 119–137 (In Russ.). DOI:10.17759/cpp.2019270308
- Soldatova, G. U. (2018). Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world. *Social Psychology and Society*, 9(3), 71–80 (In Russ.). DOI:10.17759/sps.2018090308
- Acosta, J., Chinman, M., Ebener, P., Malone, P. S., Phillips, A., Wilks, A. (2019). Understanding the Relationship between Perceived School Climate and Bullying: A Mediator Analysis. *Journal of School Violence*, 18(2), 200–215. DOI:10.1080/15388220.2018.1453820

Dorio, N. B., Clark, K. N., Demaray, M. K., Doll, E. M. (2020). School Climate Counts: A Longitudinal Analysis of School Climate and Middle School Bullying Behaviors. *International Journal of Bullying Prevention*, 2(4), 292–308. DOI: 10.1007/s42380-019-00038-2.

Geulayov, G., Casey, D., McDonald, K. C., Foster, P., Pritchard, K., et al. (2018). Incidence of suicide, hospital-presenting non-fatal self-harm, and community-occurring non-fatal self-harm in adolescents in England (the iceberg model of self-harm): a retrospective study. *The Lancet Psychiatry*, 5(2), 167–174. DOI: 10.1016/S2215-0366(17)30478-9.

Kosir, K., Klasinc, L., Spes, T., Pivec, T., Cankar, G., Horvat, M. (2020). Predictors of Self-Reported and Peer-Reported Victimization and Bullying Behavior in Early Adolescents: The Role of School, Classroom, and Individual Factors. *European Journal of Psychology of Education*, 35(2), 381–402. DOI: 10.1007/s10212-019-00430-y.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Татьяна Михайловна Дадаева — д-р социол. наук, профессор кафедры социологии, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия

Tatiana M. Dadaeva — Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Department of Sociology, Mordovian State University of N. P. Ogarev, Saransk, Russia

Статья поступила в редакцию 05.10.2022;
одобрена после рецензирования 25.11.2022;
принята к публикации 29.11.2022.

The article was submitted 05.10.2022;
approved after reviewing 25.11.2022;
accepted for publication 29.11.2022.